

Э. Э. Отакулов

<https://orcid.org/0009-0006-2501-9543>

✉ eeotakulov@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ О ПУТЕШЕСТВИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО В ИЕРУСАЛИМ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ: ОТ ДИПЛОМАТИИ К КРЕСТОВЫМ ПОХОДАМ

Аннотация. В статье рассматривается, как возникла и развивалась легенда о путешествии Карла Великого в Иерусалим и Константинополь. Ее истоки можно найти уже в каролингской историографии: авторы преобразовали упоминания о дипломатических отношениях с Востоком в передачу Гроба Господня франкскому императору. Становлению легенды также способствовало и развитие образа Карла как покровителя Церкви и собирателя реликвий, так как обмен послами и встречи паломников сменились его самостоятельным путешествием в Святую землю за реликвиями Страстей Господних. Перенос реликвий играл и важную политическую роль, символизируя преемственность империи на Западе. По мере развития идей крестового движения на Восток дружба Карла Великого с Харуном ар-Рашидом исчезла из истории, а его паломничество приобрело милитаристские мотивы в духе крестоносной риторики. Источники, повествующие о путешествии Карла Великого на Восток, были созданы обособленно друг от друга, что не позволяет утверждать о поступательном развитии этого сюжета в рамках единой традиции. Однако авторская позиция в каждом случае могла опираться на сформированное в народе представление о возможности такого события, отчего впоследствии этот сюжет даже вошел в историографию и востроился в череду исторических событий наряду с победой императора Ираклия над персами и Первым крестовым походом.

Ключевые слова: Карл Великий, Иерусалим, Константинополь, паломничество, реликвии, Крестовые походы

Для цитирования: Отакулов Э. Э. Происхождение истории о путешествии Карла Великого в Иерусалим и Константинополь: от дипломатии к Крестовым походам // Шаги/Steps. Т. 11. № 4. 2025. С. 15–34. EDN: ABYULP.

Поступило 1 сентября 2024 г.; принято 29 октября 2025 г.

E. E. Otakulov

<https://orcid.org/0009-0006-2501-9543>

✉ eeotakulov@hse.ru

HSE University (Russia, Moscow)

THE ORIGIN OF THE STORY OF CHARLEMAGNE'S JOURNEY TO JERUSALEM AND CONSTANTINOPLE: FROM DIPLOMACY TO THE CRUSADES

Abstract. This article analyzes the origin and development of the legend of Charlemagne's journey to Jerusalem and Constantinople. Its roots lie in ninth-century Frankish historiography: authors transformed Charlemagne's diplomatic exchanges with the East into a narrative centered on Caliph Harun al Rachid's concession of jurisdiction over the holy sites in Jerusalem. The evolution of the Emperor's image as an ecclesiastical benefactor and collector of relics further contributed to the legend, as sending ambassadors with gifts and meeting pilgrims were replaced by his independent pilgrimage to the Holy Land in search of Passion relics. Charlemagne's acquisition of relics of the Passion became a politically significant symbol of the transfer of imperial dignity from the Greeks to the Franks, beginning with his imaginary journey to the East. As the idea of a crusading movement developed, the friendship between Harun and Charlemagne faded, and his pilgrimage assumed the characteristics of a military campaign imbued with crusading rhetoric. The sources recounting Charlemagne's pilgrimage to Jerusalem were composed independently of one another, which precludes the possibility of a continuous development within a single tradition. However, in each case, the author's perspective may have been shaped by a collective belief in the potential reality of such an occurrence, and adapted to specific contexts. Consequently, Charlemagne's journey to the East and the liberation of Jerusalem came to be seen as part of a broader sequence of events, alongside emperor Heraclius' victory over the Sasanian Empire and the First Crusade.

Keywords: Charlemagne, Jerusalem, Constantinople, pilgrimage, relics, Crusades

To cite this article: Otakulov, E. E. (2025). The origin of the story of Charlemagne's journey to Jerusalem and Constantinople: From diplomacy to the Crusades. *Shagi / Steps*, 11(4), 15–34. EDN: ABYULP. (In Russian).

Received September 1, 2024; accepted October 29, 2025

Небольшая история, озаглавленная «О десяти взятиях Иерусалима» (*De decem captionibus Hierusalem*)¹, следует за «Иерусалимской историей» Роберта Реймского в манускрипте, ныне хранящемся в библиотеке Ватикана (Ms. Reg. lat. 658). Палеографический анализ и описанные в этой истории события указывают на то, что она была написана при Людовике VI или Людовике VII, а после другой рукой дополнена частью, повествующей о взятии города Салах ад-Дином и отвоевании Акры в ходе Третьего крестового похода. Видимо, история «О десяти взятиях Иерусалима» должна была представить читателю хроники Роберта Реймского краткую историческую справку обо всех захватах города, сведенную в единую последовательность: от ветхозаветных событий воцарения Давида до Крестового похода королей в конце XII в. [Rajohnson 2021: 413].

В лакуне после освобождения Иерусалима императором Ираклием в 629 г. и до взятия города в 1099 г. в ходе Первого крестового похода упоминается об освобождении Иерусалима из-под гнета сарацин самим Карлом Великим². Это краткое упоминание похода Карла в Иерусалим не содержит каких-либо подробностей, однако помещает данное событие в общее историческое полотно. Откуда же взялся этот поход? Император франков никогда не посещал Святой земли. Столь явная небывлица должна была вызвать сомнения, однако ее нахождение среди исторических событий позволяет предположить, что освобождение Иерусалима Карлом Великим — не просто выдумка автора истории, вместе с тем краткость упоминания может указывать на общеизвестность среди современников.

Происхождение легенды о походе Карла Великого в Иерусалим предстает еще более запутанным, нежели история о походе франков за Пиренеи в 778 г. Исторической опорой для этого сюжета могли послужить три взаимосвязанных момента внешней политики Карла: дипломатические отношения с Харуном ар-Рашидом, с патриархом Иерусалима, а также с императорами Константинополя.

Согласно Анналам королевства франков, в 802 г. в Ахен были привезены дары от «короля персов» и знаменитый слон Абуль-Аббас [Annales 1895: 123]. Запись за 807 г. содержит подробное описание привезенных от короля персов даров: шатер, два подсвечника, сирийские ткани и благовония, а также удивительные часы, механизм которых был описан автором. Причем посол Харуна Абдела был в сопровождении монахов, посланных иерусалимским патриархом Фомой I [Ibid.: 123]. Смерть слона, подаренного «сарацинским королем Аароном», была также зафиксирована в Анналах как важное событие [Ibid.: 131].

¹ В рукописи над *captionibus* также указано *excidiiis*, т. е. «разрушениях» (Ms. Reg. lat. 658. Fol. 91^v).

² «Post multorum vero curricula annorum tempore Constantini constantinopolitani imperatoris et Karoli Magni francorum et romanorum cesaris denuo a paganis capta legitur, sed brevi intervallo temporis a Karolo Magno recuperata christianis reddita invenitur» (Ms. Reg. lat. 658. Fol. 92^v).

Мецские анналы несколько дополняют историю: в 801 г. Карлу являются послы от Харуна ар-Рашида и африканского эмира Ибрагима ибн аль-Аглаба [Annales 1905: 88–89]. Упоминание о слоне, подаренном Харуном, содержится и в Малых Лоршских анналах [Аникьев 2019: 82]. Наиболее полное описание содержится в Анналах королевства франков, однако взаимоотношения между Карлом Великим и Харуном ар-Рашидом не выходят за рамки дипломатических посольств.

В «Жизни Карла Великого» Эйнхард иначе преподносит взаимоотношения Карла с Харуном ар-Рашидом. Император франков был не просто другом аббасидского халифа: «...тот предпочитал его благосклонность дружбе всех королей и правителей, какие только есть в целом круге земном»³. При этом Харун, согласно «Жизни Карла Великого», принял послов императора и согласился передать Гроб Господень его власти [Эйнхард 2005: 86–87].

В Анналах королевства франков и в Мецских анналах за 800 г. упоминается о возвращении из Иерусалима посольства пресвитера Захария, который вместе с двумя монахами, посланными иерусалимским патриархом, привез Карлу Великому ключи от Гроба Господня и знамя Лобного места — Голгофы [Annales 1895: 113; 1905: 86–87]. Таким образом, ключи были переданы не от Харуна ар-Рашида, а от иерусалимского патриарха и означали скорее не передачу власти Карлу Великому, а знак уважения⁴. Эйнхард объединил два сюжета — взаимоотношения с персидским королем и с патриархом иерусалимским, — представив передачу не в символическом, а во вполне реальном политическом ключе.

Далее в «Жизни Карла Великого» находят отражение и взаимоотношения с Константинополем. Эйнхард опускает подробности сложной политической ситуации в Византии [Tinnefeld 2001: 26–27], упоминая императоров Никифора, Михаила и Льва, а также ту боязнь, что возникла у византийцев вследствие территориальных приобретений франков и становления Карла Великого императором. Заключенный союз не может исправить положения: могущество франков вызывает опасения у греков. Подводя итог, Эйнхард цитирует греческую поговорку: «Имей франка другом, но не соседом» [Эйнхард 2005: 88–89]. Несмотря на расстояние между Ахеном и Константинополем, греки становятся соседями франков на подчиненных территориях, а дипломатический конфликт вследствие коронации Карла в Риме усугубила конфронтация в Венеции и Далмации [Tinnefeld 2001: 29].

Тему взаимоотношений Карла с Харуном ар-Рашидом развивает Ноткер Заика в «Деяниях Карла Великого», созданных в середине 80-х годов IX в. по заказу Людовика III Толстого. За неимением иных источников,

³ «...ut is gratiam eius omnium, qui in toto orbes terrarum erant, regum ac principum amicitia et praeponeret solumque illum honore ac munificentia sibi colendum iudicaret» [Эйнхард 2005: 86–87].

⁴ Ср. [Эйнхард 2005: 145; Scholz 1970: 191]. Подобный жест в Анналах совершает и папа римский Лев: после своего избрания он высылает Карлу ключи от Рима и знамя святого Петра [Annales 1895: 98].

кроме «Жизни Карла Великого» Эйнхарда, Ноткер поместил его правление в некое эпическое безвременье, в котором один исторический анекдот произвольно сменяется другим по воле автора. Рассказы эти он черпал из устных свидетельств [Ноткер 2023: 390].

Ноткер обращается к прямой речи и помещает в уста Харуна ар-Рашида рассуждения о передаче не только Гроба Господня, но всей земли, «обещанной Аврааму и показанной Иисусу Навину» [Ноткер 2023: 433]. Называя Карла братом, Харун определил для себя подчиненное положение — управляющего (*advocatus*)⁵ Святой землей от имени Карла Великого — пока для франкского императора затруднительно обеспечивать безопасность столь далекой территории. Однако и в рассказе Ноткера взаимоотношения Карла Великого и Харуна ар-Рашида не выходят за рамки дипломатических посольств, а король персов становится представителем Карла, так как автор не может представить, чтобы император оставил свои земли и отправился так далеко на защиту христиан Святой земли.

Таким образом, сведения о взаимоотношениях Карла Великого с Востоком подверглись изменениям в трудах каролингских историков, объединивших рассказы о посольствах иерусалимского патриарха и аббасидского халифа в передачу Святой земли под власть императора франков.

Помимо дипломатии в рамках взаимоотношений Карла с Востоком важна тема реликвий и их переноса на Запад. Активная христианизация и усиление позиций Церкви при Карле Великом и Каролингах сопровождалась строительством монастырей и церквей. Церковь стала моделью каролингской империи, проводником ее власти и плацдармом расширявшихся границ [de Jong 2005: 119–129; McKitterick 2008: 326–330]. Почитание местных святых укрепляло позиции христианства «на местах», а реликвии, связанные с библейскими персонажами, позволяли прихожанам соприкоснуться со священной историей без необходимости преодоления долгого и опасного пути на Восток, что также усиливало значимость локальных паломнических центров [Geary 1990: 29–35].

По мере популяризации образа Карла Великого все большее количество монастырей признавало его своим основателем. Фигура императора затмила свершения не только его предков, но и прямых потомков, переняв их деяния в укреплении позиций Церкви. Монастыри, получившие от Карла Великого связанные с Христом реликвии, находили покровительство у государей земного и небесного, что привело к росту числа реликвий, обретение которых приписывалось Карлу [Folz 1950: 23–25; Remensnyder 1995: 150–153].

В первой половине X в. в бенедиктинском монастыре Райхенау появилась история «*Translatio sanguinis Domini*» [Ex translatione 1841: 446–449], рассказывающая об обретении реликвии — крови Христа и частицы Жи-

⁵ См. подробнее: [Ноткер 2023: 381].

вотворящего Древа. Эта реликвия была передана монастырю в 925 г.⁶, однако «*Translatio sanguinis Domini*» создает легендарную предысторию обретения крови Господа, укореняя ее во времени правления Карла Великого. Согласно этой истории, правитель Иерусалима Азан, желая заключить союз, решил наладить дружбу с императором франков. Посредником между Азаном и Карлом становится папа Лев, которому префект Иерусалима и отправляет послов, предлагая устроить встречу в Риме и обещая несравненное по своей дороговизне сокровище. Поначалу Карл не принимает предложения, посчитав его недостаточно серьезным, однако папа Лев настаивает его обнажить ноги и отправиться паломником в Рим ради столь великого сокровища⁷. Азан, добравшись до Корсики, серьезно заболевает и предлагает перенести место встречи, но Карл, опасаясь рисков, которые несет путешествие по морю⁸, отказывается и отправляет вместо себя двух послов: маркграфа Истрии Гунфрида и аббата Райхенау Вальдо. Именно они принимают сокровища у Азана и доставляют их на Сицилию, куда Карл Великий выезжает из Равенны, согласно тексту, пройдя босиком 55 миль⁹. Кровь Христа не попадает в аббатство Райхенау напрямую от Карла Великого: Вальдо получает привилегии и земли для монастыря, однако святыня достается Гунфриду. Только при его потомках кровь Христа была передана обители, чего пожелал сам Господь¹⁰.

Истоки этой легенды также находятся в *Анналах* королевства франков. В 799 г. из Иерусалима приходит монах, отправленный патриархом, и передает Карлу благословение и реликвии Гроба Господня. Следующая запись гласит, что правитель города Уэска Азан передал Карлу ключи от города [*Annales* 1895: 108]. Два события слились воедино, отчего в истории возник правитель Иерусалима по имени Азан, который передал реликвии Карлу. Фигура самого императора в «*Translatio sanguinis Domini*» отходит на второй план, так как акцент сделан на аббате монастыря и предке донаторов. Именно они принимают святыню, и благодаря им она впоследствии попадает не в Ахен, а в Райхенау. Локальное событие — передача реликвии аббатству Райхенау — вписывается в глобальную историю, увеличивая свою значимость, а достоверность переноса реликвии из Святой

⁶ «...hoc est anno incarnationis Domini nongentesimo vicesimo quinto» [Ex translatione 1841: 449]. Дата передачи зафиксирована в самой истории, так как было установлено ежегодное торжество по случаю обретения реликвии.

⁷ Энн Латовски опускает фигуры посланников и судьбу реликвии до ее передачи Райхенау в X в., делая акцент на взаимоотношениях Карла Великого с папой Львом, и подчеркивает идею подчинения императорской власти Святому Престолу [Latowsky 2013: 60–62].

⁸ Происхождение подобного страха у Карла Великого подробно рассмотрено в работе Доротеи Вальц [Walz 2001: 238–239].

⁹ «Nec mora, ipse augustus ineffabili gavisus tripudio, una suis cum primoribus et universa populi phalange discalciati iter arripiunt, et illa quinquaginta miliaria de urbe Ravenna ad praedictum locum in Sicilia nudatis plantis perambulantes, reperiunt saepe inculcatum thesaurum eodem in loco venerabiliter collocatum» [Ex translatione 1841: 447].

¹⁰ Передаче реликвии предшествует череда чудес, однако это не убеждает хозяйку реликвии Сванхильду, и только после того как Господь насылает на нее смертельную болезнь, она признает Божий промысел [Ex translatione 1847: 448–449].

земли опирается на авторитет Карла Великого. Путешествие из Равенны, которое босиком совершает Карл, символизирует его благочестие и уподобляет смиренному паломнику [Шрайнер 2006: 46–51]. Однако в «*Translatio sanguinis Domini*» поездка императора ограничена Апеннинским полуостровом, и взаимодействие с Востоком происходит в процессе обмена посольствами.

Первое упоминание о путешествии Карла Великого на Восток содержится в Хрониконе Бенедикта, монаха из монастыря Св. Андрея у горы Соракта. Хроникон сохранился в единственном списке, начало и конец его утрачены. Авторство приписывается Бенедикту благодаря посвящению Герварда, королевского библиотекаря, подготовившего экземпляр «Жизни Карла Великого» для Людовика Благочестивого. Бенедикт процитировал это посвящение, заменив имя Герварда на свое и адресовал его самому Карлу [Chronicon 1839: 711; II Chronicon 1920: viii].

Составленный в последней четверти X в. Хроникон повествует об истории Рима и Северной Италии со времен Юлиана Отступника до папы Иоанна XIII. Компилируя исторические и агиографические источники, автор вкрапляет сведения о монастырях у горы Соракта в общее полотно. Каролингской династии, и Карлу Великому в частности, Хроникон уделяет особое внимание, так как судьба монастырей — Св. Сильвестра на горе, Св. Стефана в Марьяно и Св. Андрея у горы или на реке — была тесно переплетена с Каролингами [Latowsky 2013: 64]. Хроникон Бенедикта не имел широкой читательской аудитории. При этом нет достоверных аргументов в пользу авторства Бенедикта по отношению к этому сюжету. Он мог руководствоваться легендами или записью легенд, которые в течение полутора столетий превратили дипломатические посольства Карла Великого в его паломничества в Святую землю [Folz 1950: 136–137; Latowsky 2013: 63–64]. Карл Великий представлен благодетелем монастыря. Впервые посетив его со своей женой Хильдегардой в 781 г., он передал вышеупомянутые обители под начало монастыря Св. Андрея [Chronicon 1839: 707]. Второе посещение Карлом этого монастыря предвещает его путешествие на Восток. Взяв за основу «Жизнь Карла Великого»¹¹, Бенедикт преподносит путешествие Карла Великого как паломничество. Франкский король отправляется в Гаргано, важный паломнический центр, где находится святилище Михаила Архангела. Собрав множество народов в Бриндизи, император франков переправился через море. Автор отмечает со-

¹¹ Бенедикт опирается на цитаты из «Жизни Карла Великого», перемежая их с собственным текстом: «*Precepit rex fortissimus, ut classes navigium Normanicum hedificantes, et navibus iuxta fluvium que de Gallia et de Germania septemtrionalem, ut per omnes portus et flumina, ubicumque naves stationibus tali munitio precepit. Ut per mare Adriatica in provincia Benetie congregare precepit. Deinde tota Italie tam Benetie quemque Quilegie finibus, seu Ravenne, Ariminum, quamquam et Ancone civitatibus, et cuncta litoris maris Adriatice, usque ad Traversus congregare iussit*» [Chronicon 1839: 708–710]. Ср. [Эйнхард 2005: 90–91].

крушительную поступь франкских паломников по византийским землям, которая свела на нет величие греков¹².

На Левантийском побережье Карла встретил «король Аарон». Переложив пассаж Эйнхарда о дружбе Харуна и Карла Великого, Бенедикт подкрепляет передачу Гроба Господня благодеяниями, что оказал император святым местам. Дипломатические посольства сменяются прямым участием Карла в судьбе Иерусалима. Упомянутое выше знамя, которое вместе с ключами от города было передано императору франков в дар от иерусалимского патриарха, в Хрониконе Карл собственноручно водружает у Святого Гроба, закрепляя свою власть над этим местом¹³. Кульминацией становится совместное путешествие Карла и Харуна в Александрию, один из важнейших раннехристианских центров, рассказы о котором Бенедикт мог почерпнуть из Беды или Бернара Паломника, чей маршрут очень схож с паломничеством Карла Великого [Gabriele 2011: 42]. Автор подобным образом описывает поездку христиан и мусульман в Александрию: «И так веселились франки и агаряне, словно были братьями»¹⁴. В этом описании путешествия франков нет мотива религиозного противостояния, и Карл Великий, как старший брат, демонстрирует свое превосходство и лично устанавливает свою власть над Гробом Господним.

По дороге на Запад император франков посещает Константинополь. Повествование о Востоке обрамляет тема соперничества с Византией. Если в начале похода франкские воины вытоптали величие греческих земель, то на обратном пути Карл, знавший о том, как византийские императоры — Никифор, Михаил и Лев — боятся могущества франков, поспешил успокоить их тревоги и сам предложил им союз. Бенедикт цитирует поговорку из «Жизни Карла Великого», однако ее перевод красноречиво указывает на изменения в восприятии напряженности меж двумя империями. Отбросив ироничное предостережение, автор Хроникона оставляет бескомпромиссное повеление: «...имей франков друзьями»¹⁵. Именно в Константинополе, а не в Святой земле Карл получает в дар мощи св. Андрея, которые по возвращении в Италию он передает монастырю у горы Соракта.

Таково первое упоминание о путешествии Карла Великого в Иерусалим и Константинополь. Оно предстает паломничеством, в которое Бенедикт вплел тему дружбы франкского императора с «королем Аароном». Обретение реликвии монастырем вновь зиждется на фигуре Карла, который получает титул императора вследствие своего паломничества как награду за покровительство Святой земле.

¹² «...molieruntque cuncte nationes terre Grecorum, ut robor eorum pro nichilo computatus» [Chronicon 1839: 710].

¹³ «Ac deinde ad sacratissimum domini ac salvatoris nostri Ihesu Christi sepulchrum locumque resurrectionis advenisset, ornatoque sacrum locum auro gemmisque, etiam vexillum aureum mire magnitudinis imposuit» [Chronicon 1839: 710].

¹⁴ «Sicque letificantes Francis et Aaggarenis, quasi consanguineis esset» [Chronicon 1839: 711].

¹⁵ «Quod Latini dicunt: Francos abeto amicos» [Chronicon 1839: 711].

На рубеже I и II тысячелетий во французском аббатстве Св. Спасителя в Шарру появилась история, повествующая о возведении монастыря и передаче реликвий с Востока Карлом Великим. Раньше, чем в источниках самого аббатства, этот сюжет упомянут в Хрониконе Адемара Шабанского. Повествуя о торжественном переносе частицы Истинного Креста из Шарру в Ангулем к гробнице св. Сибарда, Адемар отмечает, что она была подарена иерусалимским патриархом Карлу Великому, а Карл передал ее основанному графом Ротгером аббатству Св. Спасителя [Адемар Шабанский 2015: 205]. Упоминание этой легенды свидетельствует о ее широком распространении за пределами самого аббатства уже в первые десятилетия XI в. [Remensnyder 1995: 166–167].

В документах аббатства Шарру сохранились две версии истории об обретении реликвий с Востока. Эти версии разнятся обстоятельствами переноса и даже реликвиями, что были переданы Карлом. Так, первая версия схожа с легендой, упомянутой в Хрониконе Адемара, и повествует о том, как Карл Великий, решив посетить графа Ротгера Лиможского, встретил паломника из Иерусалима. Император ведет беседу с паломником о состоянии святых мест, о положении христианства в Иерусалиме и узнает о том, что паломник этот несет приобретенную в Святой земле за очень большую цену частицу Животворящего Креста, которую он передаст в нововозведенную церковь¹⁶. Обрадованный Карл обещает паломнику взять все обязанности по строительству на себя и велит графу Ротгеру, на чьей земле будет основан монастырь¹⁷, заняться строительством.

Функция Карла в этой версии основания обители в Шарру схожа с рассказом о Райхенау: император не путешествует в Иерусалим сам, он выступает посредником между Святой землей и местным сеньором, так как граф Ротгер и его жена Ефрасия выходят на передний план в деле возведения монастыря. В эту историю вплетаются упоминания о дипломатических посольствах: патриарх иерусалимский Фома и халиф Абделла отправляют Карлу Великому множество даров и реликвий¹⁸. Император торжественно передает их монастырю Св. Спасителя и подтверждает все его привилегии. Однако следует отметить, что первопричиной основания является именно паломничество. Таким образом, для аббатства Шарру, получившего реликвии, за фигурой его основателя — Ротгера Лиможского — стоят Карл Великий и сам Господь.

Вторая версия, имеющая более позднее происхождение, датируется 1080–1095 гг. и отражает изменения в положении аббатства Св. Спаси-

¹⁶ «Confitetur ille salutifere crucis Christi portionem maximo emptam precio se inde deferre, et ecclesie noviter a se construende decenter inferre» [Chartes et documents 1910: 2].

¹⁷ Место для строительства монастыря указывает сам Господь, сотворив чудо и расчистив за ночь часть леса от деревьев [Chartes et documents 1910: 3].

¹⁸ В тексте перечислено множество реликвий, относящихся к жизни Иисуса Христа. Список заканчивается упоминанием еще 12 фрагментов Животворящего Древа, которые также были переданы монастырю Св. Спасителя [Chartes et documents 1910: 4–5].

теля¹⁹. После краткой преамбулы о подчинении Аквитании и назначении Ротгера графом Лиможа сразу же следует решение Карла возвести монастырь, отчего основание аббатства Шарру предстает главной целью политики императора франков. После освящения храма Карл, передавший множество даров, среди которых и Животворящее Древо²⁰, решает отправиться со всем своим войском в Святую землю²¹. Автор опускает подробности маршрута императора, потому нельзя понять, по морю или по суше происходило это паломничество в представлении монахов Шарру. Карл торжественно вступает в Иерусалим, а иерусалимский патриарх встречает императора и передает ему ключи от города²². «Adventus» Карла Великого переплетается с выражением благочестия и почтения перед Гробом Господним, когда он «обнажает ноги и тело, привыкшее к королевским одеждам»²³. Во время богослужения происходит чудо: десница Господа помещает в потир (в латинском обряде — калеч) священный препуций — крайнюю плоть Христа. Затем Господь является в образе отрока и, обратившись к Карлу, просит принять дар из его плоти и крови. Дальнейшие события подчеркивают богоизбранность императора: после явления Господа Карл Великий воскрешает погибшего воина, осенив его уста крестным знамением [Chartes et documents 1910: 9]. По возвращении священный препуций был передан монастырю, который с того момента именуется Сен-Совер де Шарру.

Вторая история смещает акцент на образ Карла Великого как основателя монастыря Св. Спасителя. Вместо послов с дарами от иерусалимского патриарха или идущего из Святой земли паломника с частицей Истинного Креста Карл Великий самостоятельно совершает путешествие в Иерусалим. Однако в этой версии, составленной в преддверии Первого крестового похода, нет никаких крестоносных мотивов. Не упоминаются в ней и мусульманские посольства. Ухудшение положения христианской веры на Востоке и состояния паломнических маршрутов в Святую землю, подкрепленные рассказами о жестоких пытках и казнях христиан, а также об осквернении святых мест²⁴, не позволили автору истории представить сарацин союзниками великого императора франков. Отказ от идеи дружбы Карла Великого с мусульманскими правителями, выраженной в упоминаниях посольств с дарами, и привел к развитию в монастыре

¹⁹ Обратившись к истории об основании монастыря в Шарру, Мэттью Габриэл останавливается лишь на второй версии, в то время как их сопоставление позволяет зафиксировать трансформацию представлений [Gabriele: 44–46].

²⁰ «cui dedit lignum dominicum quod vocatur Bellator, cum multorum sanctorum reliquiis» [Chartes et documents 1910: 7].

²¹ «...et Deo dante adiutorio et eorum consilio adiit Iherosolimam imperator cum omni exercitu suo» [Chartes et documents 1910: 8]. Однако это не позволяет говорить о паломничестве Карла как о военном походе.

²² Торжественное вступление в город уподобляет Карла Великого Иисусу Христу: ср. [Kantorowicz 1944: 210–211; MacCormack 1972: 724–725].

²³ «...pedibus vero nudis et venerandum corpus nudatum vestibis regiis» [Chartes et documents 1910: 8].

²⁴ Ср. [Фульхерий Шартрский 2020: 47; Заборов 1977: 51].

Св. Спасителя представлений о самостоятельном паломничестве Карла в Иерусалим.

Накануне проповеди Урбана II и объявления Первого крестового похода к северу от Парижа появляется другая история о путешествии Карла Великого в Святую землю. Эта история получила свое название по инципиту: «Так начинается рассказ о том, как Карл Великий перенес гвоздь и корону Господа из Константинополя в Ахен, и о том, как Карл Лысый передал эти реликвии аббатству святого Дионисия» (*Incipit descriptio qualiter Karolus Magnus clavum et coronam domini a Constantinopoli Aquisgrani detulerit qualiterque Karolus calvus hec ad sanctum Dyonisium retulerit*), или кратко «*Descriptio qualiter*». Она была составлена в окружении короля Филиппа I в рамках усиления позиций французской монархии на севере королевства и сближения Капетингов с Каролингами, способствуя созданию не кровной, но символической преемственности правящей династии через покровительство монастырям и передачу реликвий с Востока [Gabriele 2008; 2016]. Несмотря на то что идейная подоплека «*Descriptio qualiter*» обнаруживает параллели с политикой Филиппа I, не принимавшего участие в крестоносном движении, эта история впитала в себя крестоносную риторику периода, предшествующего массовому вооруженному паломничеству 1096–1099 гг.

В «*Descriptio qualiter*» к Карлу Великому являются послы от иерусалимского патриарха и римского императора, которые передают письма с просьбами о помощи. Патриарх описывает Карлу бедствия в Святой земле: христиане убиты или обращены в рабство, сам он изгнан, а Гроб Господень осквернен неверными²⁵. Интересны параллели с событиями, современными созданию этой истории. Так, патриарх Симеон II Иерусалимский после захвата города мусульманами был изгнан или же сам бежал из Иерусалима на Кипр, что также сыграло свою роль в росте напряженности между мусульманами и христианскими паломниками перед Первым крестовым походом [Runciman 1995: 78].

Ситуация, сложившаяся в Иерусалиме, отсылает не ко временам правления Карла Великого, а ко времени создания «*Descriptio qualiter*». Завязка истории контекстуально связана с проповедью крестоносного движения, однако это не анахронизм. Следует помнить, что становление идеи священной войны против сарацин началось уже к концу X в. [Эрдман 2018: 171–172]. В испанском походе на Барбастро в 1064 г. участвовали испанские, французские, бургундские и итальянские рыцари, откликнувшиеся на призыв папы Александра II, который обещал участникам прощение грехов [Там же: 217–223; Riley-Smith 2003: 29]. Таким образом, риторика, звучащая в письме патриарха, не чужда тому периоду, хронологически

²⁵ «*Multa ergo in Iherosolimitanis partibus sancte ecclesie turpia et numquam ab aliquo sufferenda et nobis karissime paganos intulisse cognoscas. Namque egomet de sede, quam prior sanctus Iacobus iubente domino possedit intrepidus, eiectus sum et plerisque christicolis captivatis atque quibusdam interfectis et, quod maius est, captivato domini sepulchro nimis dedecorato*» [Die Legende 1890: 105]. Ср. [Historia 2013: 5].

перетекающему в двухсотлетнюю эпоху присутствия крестоносцев на Левантийском побережье.

В письме константинопольского императора, которое частично повторяет письмо патриарха, обозначена еще одна важная деталь — богоизбранность Карла Великого. Император признает, что смог бы разбить сарацин, как делал до этого не раз, но во сне ему явился ангел Господень и ниспослал в видении образ Карла Великого — воина, который защитит христиан и Гроб Господень от посягательств неверных [Die Legende 1890: 106–107]. Божественная инициатива выступает на первый план, а Карл Великий предстает ее исполнителем [Stuckey 2008: 142]. Оставив покой в родной земле, он собрал войско и отправился на защиту христианской веры²⁶.

Однако Иерусалим отсутствует в описании похода Карла. Город выступает целью, которая движет им, но вместо Града Божьего Карл приходит к Константинополю, а столкновение с сарацинами передано очень кратко²⁷. Подобную краткость можно было бы объяснить незнакомством автора со Святой землей или же предкрестоносным контекстом создания этой истории, когда проповедь военного паломничества на Восток уже обращалась к тем бедствиям, которые произошли со святыми местами и христианами, однако непосредственное разрешение религиозного конфликта еще не наступило.

Прогнав сарацин, Карл Великий получает в награду от византийского императора святыни, связанные со Страстями Господними. Карл просит у императора реликвии Страстей, «чтобы наши люди, которые не могут прийти в город Иерусалим для искупления своих грехов, имели бы в своих землях нечто зримое, что с верою склонило бы их сердца к воспоминанию о Страстях Господних и призывало с должным благочестием к плодам покаяния»²⁸. Встреча правителей развивает тему соперничества двух империй. Взаимное восхваление превращается в состязание, в котором каждый пытается утвердить свое величие через наибольшее смирение. Карл Великий предстает не просто богобоязненным христианином: принятие святынь преподносится и как политический жест. Правитель франков принципиально отказывается от богатств, предложенных византийским императором, чтобы его нельзя было упрекнуть в корыстолюбии и уподобить наемнику.

²⁶ «Quo audito benignissimus dux unaque rex et imperator illico per totam Francorum regionem edici citissime imperat, quo omnes, qui ad sese defendendum arma possent ferre tam senes quam iuvenes, pariter secum pugnaturi in paganos versus orientales plagas inevitabiliter ire satagant» [Die Legende 1890: 108].

²⁷ «Tandem rex cum exercitu suo Constantinopolim pervenit. Postea vero fugatis paganis ad urbem, que vexilla vivifice crucis Christique passionis, mortis ac resurrectionis, retinet monimenta, letus et supplex advenit ac patriarche totique christicole plebi cuncta prospera deo opitulante solidavit» [Die Legende 1890: 109].

²⁸ «...quatinus nostrates, qui ad urbem Iherosolimam causa abholendi sua peccata venire nequeunt, quiddam in partibus nostris visibile habeant, quod ad passionis dominice mentionem corda eorum fideliter molliat et ad fructum penitencie digna revocet pietate» [Die Legende 1890: 120].

Примечательно также указание на утрату святынь византийскими императорами до прихода Карла Великого. Мать римского императора Константина I Великого Елена в 326 г. совершила паломничество в Иерусалим и, согласно «Церковной истории» Сократа Схоластика, во время своего паломничества обнаружила Гроб Господень, Животворящий Крест и гвозди, которыми были прибиты руки Христа. Елена послала императору Константину часть Креста Господня и два гвоздя, которые с этого времени хранились в Константинополе [Сократ Схоластик 1996: 39–40]. В «*Descriptio qualiter*» Елена сокрыла эти святыни, поэтому император, встретивший Карла Великого, не знал, где они хранятся²⁹, отчего история содержит лауну: все следовавшие за Константином Великим императоры оказываются непричастными к этим святым реликвиям. Открывшиеся Карлу Великому святыни, таким образом, связывают его напрямую с Константином, указывая на преемственность императора франков римскому императору.

Извлечение этих святынь и процесс их переноса сопровождался большим количеством чудес³⁰, подчеркивающих значимость реликвий и праведность франкского императора. С одной стороны, Карл Великий уподобляется царю Давиду: он поет один псалом за другим³¹, а перенос реликвий Страстей Господних перекликается с переносом ковчега Завета в Иерусалим. С другой — автор заимствует новозаветный сюжет о воскрешении Христом дочери начальника синагоги Иаира³². Из Константинополя Карл Великий шествует до крепости Лигмедон, правитель которой, зная о целительных свойствах реликвий, просит императора помочь его сыну. Но его сын по имени Фома умирает на носилках прямо по дороге к церкви. Тогда Карл, видя страдания родителей, извлекает реликвии, и происходит чудо: болезнь и смерть исходят из мальчика в виде смрада [Die Legende 1890: 119].

Далее реликвии были перевезены в Ахен, где было установлено ежегодное празднество по случаю их выноса на всеобщее обозрение. История заканчивается рассказом о Карле Лысом, который переносит эти святыни из Ахена в Сен-Дени, устанавливая там торжество, подобное ахенскому, а монастырю Св. Корнелия в Компьене Карл передает погребальный плат с головы Христа (*sudarium Domini*) [Die Legende 1890: 124]. Это торжество в Сен-Дени, по мнению исследователей, связано со средневековой

²⁹ Тем не менее указание на то место, где сокрыты святыни, не приходит свыше, его раскрывают приближенные императора: «*Alteri vero clerus eque et sui optimates loca, in quibus quesita iacerent recondita, indicantes itidem, quod supra dictum est, simili quoque devotione facere predixerunt*» [Die Legende 1890: 112].

³⁰ Автор останавливается подробнее на некоторых из чудес, но большая их часть передается списком с конкретным количеством исцеленных и перечислением их болезней [Die Legende 1890: 120].

³¹ Суммарно Карл Великий во время обретения реликвий Страстей Христовых цитирует строки из 17 псалмов.

³² Мф 9:18–26, Мк 5:22–43, Лк 8:40–56.

ярмаркой Ланди³³, происхождение которой, таким образом, излагается в этой истории. «*Descriptio qualiter*» еще больше акцентирует личную связь Карла Великого с реликвиями и подчеркивает идею *translatio imperii* их буквальным переносом на Запад. Византия, согласно этой истории, не является преемницей величия Рима, так как регалии, символизирующие эту преемственность, переходят от императора Константина Карлу Великому, а далее его потомкам.

Легенда о паломничестве Карла Великого в Иерусалим и Константинополь была популярна уже к началу крестоносного движения, о чем может свидетельствовать ее использование хронистами Первого крестового похода. Действительно, когда папа Урбан II в своей речи на Клермонском соборе, согласно «Иерусалимской истории» Роберта Реймсского, привел в пример «достоинство и величие Карла Великого и его сына Людовика», упоминание это могло отсылать к походам императора франков против сарацин в Испании, отчего был упомянут и Людовик Благочестивый, чьи войны с маврами отодвинули границы империи франков за Пиренеи и привели к созданию Испанской марки³⁴. Однако хронист, описывая продвижение армии Готфрида Бульонского, поясняет, что его отряд следовал тем же маршрутом, «которым когда-то следовал несравненный король франков Карл Великий в своем паломничестве в Константинополь»³⁵. Судя по всему, впервые в контексте крестоносного движения путь Карла Великого можно встретить в анонимной хронике «Деяния франков и прочих иерусалимцев»: «Эти превосходнейшие воины и многие другие, кого я не знаю, пошли тем путем, который чудодейственный король Франции Карл Великий приказал некогда проторить вплоть до Константинополя» [Деяния 2010: 149–150]. Такие замечания иллюстрируют не просто знакомство современников Первого крестового похода с легендой о путешествии Карла Великого на Восток³⁶.

³³ Праздник Ланди, а позже и ярмарка Ланди, т. е. *foire du Lendit*, где *Lendit* или *L'indit* происходит от латинского *indictum* 'объявленный, указанный', т. е. день, определенный для торжества или торговли. *Indictum* в латинском языке и *Endit* в старофранцузском стали обозначением самого праздника и ярмарки, а место между Ла-Шапель и Сен-Дени, где традиционно проходила эта ярмарка, получило название *champ du Lendit*, а потом просто *Lendit*, дав название современной улице Ланди в коммуне Сен-Дени. См. подробнее: [Levillain 1927; Lombard-Jourdan 1987].

³⁴ «*Moveant vos et incitent animos vestros ad virilitatem gesta predecessorum vestrorum, probitas et magnitudo Karoli Magni regis et Ludovici filii eius aliorumque regum vestrorum, qui regna paganorum destruxerunt, et in eis fines sancte ecclesie dilataverunt*» [Historia 2013: 6].

³⁵ «*Hic cum fratribus suis Eustachio et Balduino et magna manu militum peditumque per Hungariam iter arripuit, per viam scilicet quam Karolus Magnus incomparabilis rex Francorum olim suo exercitui fieri usque Constantinopolim precepit*» [Historia 2013: 9].

³⁶ Энн Латовски придерживается позиции, что идея подражания Карлу Великому не была так распространена среди участников Первого крестового похода, и являлась выдумкой хронистов. Однако неизвестный автор «Деяний франков и прочих иерусалимцев» был непосредственным участником похода. Анализ текста хроники наводит исследователей на мысль о том, что ее автор был рыцарем, и при том не высокопоставленным, отчего эта хроника важна для понимания мировоззрения простых участников. См. подробнее: [Деяния 2010: 244–276].

После неудач Второго крестового похода легенда о паломничестве франкского императора нашла новое отражение в небольшой старофранцузской поэме, получившей название «Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» [L'érorée 2017: 128–199]. Связь этой поэмы с историей «*Descriptio qualiter*» трудно доказуема, и в историографии не сложилось единого мнения: если одни исследователи отрицают пародийный характер «Путешествия Карла Великого», делая акцент на отличиях двух этих текстов [Norrent 1960: 754–755; Grigsby 1987], то другие подчеркивают их тематическое сходство и объясняют расхождение контекстом создания и прагматикой текста [Walpole 1955: 183–184; Latowsky 2008: 154]. В связи со сложившейся дискуссией Джон Л. Григсби верно отметил: характеристика поэта, а следовательно, и поэмы различается в зависимости от нужд критика³⁷.

Неизвестный автор этой поэмы оборачивает легендарный сюжет в сатиру на французского короля и династию Капетингов. Карл Великий выступает в ней сатирическим противовесом слабому и нерешительному Людовику VII, чей поход в Святую Землю оказался не столь удачным. А семейный конфликт, легший в основу путешествия Карла Великого, является аллюзией на взаимоотношения Людовика с Алиенорой Аквитанской [L'érorée 2017: 35–36]. Помимо этого, главным соперником для франкского короля стал византийский император, получивший имя Гуго Лефорт. Имя императора отсылает читателя к основателю династии Капетингов Гуго Капету, а также его прадеду, родоначальнику Робертинов — Роберту Сильному. Не избежали насмешки и реликвии, что также наводит на мысль: автор мог хорошо знать ярмарку Ланди, во время которой они выставлялись на обозрение паломников, и обличать корысть монахов Сен-Дени [Grigsby 1987].

Однако в поэме отсутствуют элементы крестоносной риторики: в Святой земле император не встречает ни одного сарацина, но иерусалимский патриарх наставляет Карла на защиту христианства от неверных в Испании [L'érorée 2017: 144–147]. Тем не менее поэма не изменяет самого ядра истории: Карл отправляется в паломничество в Святую землю, получает реликвии и на обратном пути посещает Константинополь, утверждая свое превосходство.

Рассмотренные источники не отражают поступательного развития легенды о путешествии Карла Великого на Восток в рамках одной традиции. Они были созданы в разное время на разных территориях и не имели прямого влияния друг на друга. Однако вполне очевидны схожие принципы трансформации свидетельств каролинской историографии о взаимоотношениях императора франков с Востоком. Мэттью Гэбриел предложил видеть в этой трансформации авторскую интенцию, объясняя ее особенностями средневековой практики чтения и написания историй — активное чтение подразумевало активную интерпретацию и смешение

³⁷ «N'est-il pas curieux de voir combien notre poète est ingénieux, cultivé, naïf ou ignorant, selon les besoins du critique ?» [Grigsby 1987].

полученных знаний с личным опытом [Gabriele 2011: 69–70]. Но кажется маловероятным, чтобы в каждом из рассмотренных случаев эта трансформация происходила обособленно. Мог ли автор каждой истории выдумать это событие? Насколько убедительна была бы такая выдумка в глазах современников? Авторская интенция могла опираться на коллективные представления, отчего эти истории свидетельствуют о переплетении социальной памяти о путешествии франкского императора в Святую землю с каролингской историографией, ставшей каркасом этой мемориальной конструкции.

Действительно, рассмотренные истории разнятся в деталях: Карл движется по морю или по суше, берет в руки меч или посох паломника, передает реликвии тому или иному монастырю. Но детали отражают контекст записи каждой из них: внутренний, связанный с позицией конкретного монастыря, и внешний, созданный глобальными историческими процессами.

Очевидно, не крестоносное движение породило эту историю, так как представления о паломничестве императора франков и покорении Иерусалима появились гораздо раньше. Но именно эти представления позволили включить ее в орбиту крестоносной риторики. Тема дружбы Карла Великого с Харуном ар-Рашидом, чья фигура вытеснила иерусалимского императора, достигла апогея в Хрониконе Бенедикта. Однако истории об основании монастыря Шарру не упоминают о сарацинах вовсе. Молчание стало фигурой исключения. Отношения с сарацинами в «*Descriptio qualiter*» представлены открытой конфронтацией. В истории «О десяти взятиях Иерусалима» поход Карла Великого, встроенный в общее историческое полотно, создает прецедент присутствия войска франков на Востоке уже во времена Каролингов и позволяет вычеркнуть значительный период мусульманского владычества над Иерусалимом. Таким образом, история о путешествии Карла Великого в Иерусалим и Константинополь возникла в представлениях средневекового европейского общества, вошла в историографию и стала частью крестоносной проповеди.

Источники

- Annales 1895 — *Annales regni Francorum inde a. 741 usque ad 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi* / Ed. G. H. Pertz. Hannover: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1895.
- Annales 1905 — *Annales Mettenses priores* / Ed. B. von Simson. Hannover; Leipzig: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1905.
- Chartes et documents 1910 — *Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Charroux* / Publ. par D. P. de Monsabert. Poitiers: Société française d'imprimerie et de librairie, 1910.
- Chronicon 1839 — *Chronicon Benedicti Sancti Andreae monachi* / Ed. G. H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Bd. 3 / Hrsg. von G. H. Pertz. Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1839. S. 695–719.

- Die Legende 1890 — Die Legende Karls des Grossen im 11. und 12. Jahrhundert / Hrsg. von G. Rauschen; Mit einem Anhang von H. Loersch. Leipzig: Duncker und Humblot, 1890. S. 103–125.
- Ex translatione 1841 — Ex translatione sanguinis Domini / Hrsg. von G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Bd. 4 / Hrsg. von G. H. Pertz. Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1841. S. 445–449.
- Historia 2013 — The Historia Iherosolimitana of Robert the Monk / Ed. D. Kempf, M. G. Bull. Woodbridge: Boydell Press, 2013.
- Il Chronicon 1920 — Il Chronicon di Benedetto, monaco di S. Andrea del Soratte e il Libellus de imperatoria potestate in urbe Roma / Ed. G. Zucchetti. Roma: Istituto storico italiano, 1920.
- L'épopée 2017 — L'épopée pour rire: *Le voyage de Charlemagne à Jérusalem et Constantinople et Audigier* / Éd. par A. Corbellari. Paris: Champion, 2017.
- Ms. Reg. lat. 658 — De decem captionibus Hierusalem. Vatican. Bibl. Ap. Vat. Ms. Reg. lat. 658. F. 91^v–92^v.
- Scholz 1970 — Carolingian chronicles: Royal Frankish annals and Nithard's Histories / Trans. by B. W. Scholz, B. Rogers. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1970.
- Адемар Шабанский 2015 — *Адемар Шабанский*. Хроникон / Пер. с лат. А. В. Банникова и др.; Коммент. А. В. Банникова и др.; Вступ. ст. Д. Н. Старостина. СПб.: Евразия, 2015.
- Аникьев 2019 — Малые Лоршские анналы / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. И. И. Аникьева // Династия Каролингов: От королевства к империи, VIII–IX века: Источники / Сост. и общ. ред. А. И. Сидоров. СПб.: Евразия, 2019. С. 68–95.
- Деяния 2010 — *Мякин Т. Г., Пиков Г. Г., Портных В. Л.* «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Перевод на русский язык и комментарий: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010.
- Заборов 1977 — *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах: Учеб. пособие для вузов по специальности «История». М.: Высш. шк., 1977.
- Ноткер 2023 — *Ноткер Заика*. Деяния Карла Великого / Вступ. ст. А. И. Сидорова; Пер. с лат. и коммент. А. И. Сидорова, М. В. Тимохиной // Империя Каролингов: Между двором и монастырем. VIII–IX века: Источники / Сост. и отв. ред. А. И. Сидоров. СПб.: Евразия, 2023. С. 389–470.
- Сократ Схоластик 1996 — *Сократ Схоластик*. Церковная история / [Пер. под ред. И. В. Кривушина]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
- Фульхерий Шартрский 2020 — *Фульхерий Шартрский*. Иерусалимская история / Пер. с лат., вступ. ст. и примеч. А. Н. Слёзкина. СПб.: Евразия, 2020.
- Эйнхард 2005 — *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / Вступ. ст., пер. с лат., примеч., указ. М. С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

Литература

- Шрайнер 2006 — *Шрайнер К.* Nudis pedibus: Шествие босиком как ритуал религиозный и политический / [Пер. с нем.] // Казус: индивидуальное и уникальное в истории: [2006]. [Вып. 8] / Под. ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: Наука, 2007. С. 15–70.
- Эрдман 2018 — *Эрдман К.* Происхождение идеи крестового похода / Пер. [с нем.], предисл. и коммент. Д. Г. Хрусталёва. СПб.: Евразия, 2018.
- de Jong 2005 — *de Jong M.* Charlemagne's Church // Charlemagne: Empire and society / Ed. by J. Story. Manchester: Manchester Univ. Press, 2005.

- Folz 1950 — *Folz R.* Le souvenir et la légende de Charlemagne dans l'empire germanique médiéval. Paris: Les belles-lettres, 1950.
- Gabriele 2008 — *Gabriele M.* The provenance of the Descriptio qualiter Karolus Magnus: Remembering the Carolingians in the entourage of king Philip I (1060–1108) before the First Crusade // *Viator*. Vol. 39. No. 2. 2008. P. 93–117. <https://doi.org/10.1484/j.viator.1.100207>.
- Gabriele 2011 — *Gabriele M.* An empire of memory: The legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Gabriele 2016 — *Gabriele M.* Frankish kingship, political exegesis and the ghost of Charlemagne in the diplomas of king Philip I of Francia // *The Charlemagne legend in medieval Latin texts* / Ed. by W. J. Purkis, M. Gabriele. New ed. Cambridge: D. S. Brewer, 2016. P. 9–32. <https://doi.org/10.1515/9781782048534-007>.
- Geary 1990 — *Geary P. J.* Furta sacra: Thefts of relics in the central Middle Ages. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. <https://doi.org/10.1515/9781400820207>.
- Grigsby 1987 — *Grigsby J. L.* Le voyage de Charlemagne, pèlerinage ou parodie? // *Au carrefour des routes d'Europe: la chanson de geste*. T. 1. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence. P. 567–584. <https://books.openedition.org/pup/3968>.
- Horrent 1960 — *Horrent J.* Sur les sources épiques du Pèlerinage de Charlemagne // *Revue belge de philologie et d'histoire*. T. 38. Fasc. 3. 1960. P. 750–764.
- Kantorowicz 1944 — *Kantorowicz E. H.* The “King’s advent” and the enigmatic panels in the doors of Santa Sabina // *The Art Bulletin*. Vol. 26. No. 4. P. 207–231. <https://doi.org/10.2307/3046963>.
- Latowsky 2008 — *Latowsky A.* Charlemagne as pilgrim? Requests for relics in the *Descriptio Qualiter* and the *Voyage of Charlemagne* // *The legend of Charlemagne in the Middle Ages* / Ed. by M. Gabriele, J. Stuckey. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 153–167. https://doi.org/10.1057/9780230615441_8.
- Latowsky 2013 — *Latowsky A.* Emperor of the world: Charlemagne and the construction of imperial authority, 800–1229. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2013. <https://doi.org/10.7591/9780801467790>.
- Levillain 1927 — *Levillain L.* Essai sur les origines du Lendit // *Revue Historique*. T. 155. Fasc. 2. 1927. P. 241–276.
- Lombard-Jourdan 1987 — *Lombard-Jourdan A.* Les foires de l'abbaye de Saint-Denis; revue des données et révision des opinions admises // *Bibliothèque de l'École Des Chartes*. T. 145. Livr. 2. 1987. P. 273–338.
- MacCormack 1972 — *MacCormack S.* Change and continuity in Late Antiquity: The ceremony of “Adventus” // *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte*. Bd. 21. Heft. 4. P. 721–752.
- McKitterick 2008 — *McKitterick R.* Charlemagne: The formation of a European identity. New York: Cambridge Univ. Press. 2008. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803314>.
- Rajohnson 2021 — *Rajohnson M. L.* Occident au regret de Jérusalem (1187 — fin du XIVe siècle). Paris: Classiques Garnier, 2021. <https://dx.doi.org/10.1512/isbn.978-2-406-10668-5>.
- Remensnyder 1995 — *Remensnyder A. G.* Remembering kings past: Monastic foundation legends in medieval Southern France. Ithaca, NY; London: Cornell Univ. Press, 1995.
- Riley-Smith 2003 — *Riley-Smith J.* The First Crusade and the idea of crusading. New York: Continuum, 2003.
- Runciman 1995 — *Runciman S.* A history of the Crusades. Vol. 1: The First Crusade and the foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.

- Stuckey 2008 — *Stuckey J.* Charlemagne as crusader? Memory, propaganda, and the many uses of Charlemagne's legendary expedition to Spain // *The legend of Charlemagne in the Middle Ages: Power, faith and Crusade* / Ed. by M. Gabriele, J. Stuckey. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 137–152. https://doi.org/10.1057/9780230615441_7.
- Tinnefeld 2001 — *Tinnefeld F.* Formen und Wege des Kontaktes zwischen Byzanz und dem Westen zur Zeit Karls des Großen // *Karl der Große und das Erbe der Kulturen: Akten des 8. Symposiums des Mediävistenverbandes Leipzig 15.–18. März 1999* / Hrsg. von F. Erkens. Berlin: Akademie Verlag, 2001. S. 25–35.
- Walpole 1955 — *Walpole R. N.* The *Pèlerinage de Charlemagne*: Poem, legend, and problem // *Romance Philology*. Vol. 8. No. 3. 1955. P. 173–186.
- Walz 2001 — *Walz D.* Karl der Große — ein verhinderter Seefahrer. Die Reichenauer Heiligerbluterzählung aus dem 10. Jahrhundert // *Karl der Große und das Erbe der Kulturen: Akten des 8. Symposiums des Mediävistenverbandes Leipzig 15.–18. März 1999* / Hrsg. von F. Erkens. Berlin: Akademie Verlag, 2001. S. 234–245.

References

- de Jong, M. (2005). Charlemagne's Church. In J. Story (Ed.). *Charlemagne: Empire and society* (pp. 103–135). Manchester Univ. Press.
- Erdmann, C. (1935). *Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens*. Kohlhammer.
- Folz, R. (1950). *Le souvenir et la légende de Charlemagne dans l'empire germanique médiéval*. Les belles-lettres.
- Gabriele, M. (2008). The provenance of the Descriptio qualiter Karolus Magnus: Remembering the Carolingians in the entourage of king Philip I (1060–1108) before the First Crusade. *Viator*, 39(2). 93–117. <https://doi.org/10.1484/j.viator.1.100207>.
- Gabriele, M. (2011). *An empire of memory: The legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade*. Oxford Univ. Press.
- Gabriele, M. (2016). Frankish kingship, political exegesis and the ghost of Charlemagne in the diplomas of king Philip I of Francia. In W. Purkis, & M. Gabriele (Eds.). *The Charlemagne legend in medieval Latin texts* (pp. 9–32). Boydell and Brewer. <https://doi.org/10.1515/9781782048534-007>.
- Geary, P. J. (1990). *Furta sacra: Thefts of relics in the central Middle Ages*. Princeton Univ. Press. <https://doi.org/10.1515/9781400820207>.
- Grigsby, J. L. (1987). Le voyage de Charlemagne, pèlerinage ou parodie? In *Au carrefour des routes d'Europe: la chanson de geste* (Vol. 1, pp. 567–584). Presses univ. de Provence. <https://books.openedition.org/pup/3968>.
- Horrent, J. (1960). Sur les sources épiques du Pèlerinage de Charlemagne. *Revue belge de philologie et d'histoire*, 38(3), 750–764.
- Kantorowicz, E. H. (1944). The “king's advent”: And the enigmatic panels in the doors of Santa Sabina. *The Art Bulletin*, 26(4), 207–231. <https://doi.org/10.2307/3046963>.
- Latowsky, A. (2008). Charlemagne as pilgrim? Requests for relics in the *Descriptio Qualiter* and the *Voyage of Charlemagne*. In M. Gabriele, & J. Stuckey (Eds.). *The legend of Charlemagne in the Middle Ages* (pp. 153–167). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230615441_8.
- Latowsky, A. (2013). *Emperor of the world: Charlemagne and the construction of imperial authority, 800–1229*. Cornell Univ. Press. <https://doi.org/10.7591/9780801467790>.
- Levillain, L. (1927). Essai sur les origines du Lendit. *Revue historique*, 155(2), 241–276.
- Lombard-Jourdan, A. (1987). Les foires de l'abbaye de Saint-Denis; revue des données et révision des opinions admises. *Bibliothèque de l'École Des Chartes*, 145(2), 273–338.

- MacCormack, S. (1972). Change and continuity in Late Antiquity: The ceremony of “Adventus”. *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte*, 21(4), 721–752.
- McKitterick, R. (2008). *Charlemagne: The formation of a European identity*. Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803314>.
- Rajohnson, M. (2021). *L'Occident au regret de Jérusalem (1187 — fin du XIVe siècle)*. Classiques Garnier. <https://dx.doi.org/10.15122/isbn.978-2-406-10668-5>.
- Remensnyder, A. G. (1995). *Remembering kings past: Monastic foundation legends in medieval Southern France*. Cornell Univ. Press.
- Riley-Smith, J. (2003). *The First Crusade and the idea of crusading*. Continuum.
- Runciman, S. (1995). *A history of the Crusades, Vol. 1: The First Crusade and the foundation of the Kingdom of Jerusalem*. Cambridge Univ. Press.
- Schreiner, K. (2001). Nudis pedibus: Barfüßigkeit als religiöses und politisches Ritual. *Vorträge und Forschungen*, 51, 53–124. <https://doi.org/10.11588/vuf.2001.0.17656>.
- Stuckey, J. (2008). Charlemagne as crusader? Memory, propaganda, and the many uses of Charlemagne’s legendary expedition to Spain. In M. Gabriele, & J. Stuckey (Eds.). *The legend of Charlemagne in the Middle Ages: Power, faith and crusade* (pp. 137–152). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230615441_7.
- Tinnefeld, F. (2001). Formen und Wege des Kontaktes zwischen Byzanz und dem Westen zur Zeit Karls des Großen. In F. Erkens (Ed.). *Karl der Große und das Erbe der Kulturen: Akten des 8. Symposiums des Mediävistenverbandes Leipzig 15.–18. März 1999* (pp. 25–35). Akademie Verlag.
- Walpole, R. N. (1955). The *Pèlerinage de Charlemagne*: Poem, legend, and problem. *Romance Philology*, 8(3), 173–186.
- Walz, D. (2001). Karl der Große — ein verhinderte Seefahrer. Die Reichenauer Heilighbluterzählung aus dem 10. Jahrhundert. In F. Erkens (Ed.). *Karl der Große und das Erbe der Kulturen: Akten des 8. Symposiums des Mediävistenverbandes Leipzig 15.–18. März 1999* (pp. 234–245). Akademie Verlag.

Информация об авторе

Эмиль Эльдарович Отакулов
аспирант, Аспирантская школа
по историческим наукам, факультет
гуманитарных наук, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4, стр. 3
✉ eeotakulov@hse.ru

Information about the author

Emil Eldarovich Otakulov
Postgraduate Student, Doctoral School
of History, Faculty of Humanities, HSE
University
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, Bld. 3
✉ eeotakulov@hse.ru